

фантастическая
история

МОСКВА, 2017

фантастическая
история

Иван Оченков
Приключения принца
Иоганна Мекленбургского

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
О-95

Серия основана в 2010 году
Выпуск 117

Оченков И. В.

О-95 Приключения принца Иоганна Мекленбургского: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 313 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2338-5

Волей судьбы наш современник оказывается в самом начале семнадцатого века в теле самого настоящего принца. Удачно получилось? Как бы не так! Принц — сирота, и жадные родственники желают лишить его наследства, инквизиция считает еретиком, а тайное общество полагает, что он разгласил их тайны. И все хотят крови юного принца!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Оченков И. В., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2338-5

Маленький уютный городок Кляйнштадт, старинные здания, церкви, приветливые люди. Да, такой Германии я еще не видел, впрочем, я ее почти никакой не видел. Формально я здесь не в первый раз, но много ли увидишь из окон вагона и автомобиля? Было дело, когда-то я, Иван Никитин, будущий начальник отдела снабжения, гонял вместе с двумя друзьями автомобили из Германии, правда недолго. Несколько раз съездили удачно, машины с каждым разом покупали все лучше, соответственно выгоднее продавали. Потом я заболел. Вообще-то я редко болею, так сказать, хронически здоровый человек, а тогда как-то простудился. В общем, поехали ребята без меня и не вернулись. Я потом звонил знакомым, у которых мы останавливались. Да, были. Да, машины взяли. Да, уехали. Нет, не знаем. Концов так и не нашли. Времена тогда такие были, позже их называли «лихими девяностыми».

Заработанных денег как раз хватило на учебу — я, собственно, для того и взялся, чтобы поменять свое средне-техническое образование на высшее. Оно у нас, конечно, бесплатное, но, как говорится, ничто не стоит так дорого, как бесплатное. Потом работал, естественно не по специальности, такая вот у нас традиция в последнее время в стране. Впрочем, жаловаться грех — ребята вон вообще не вернулись. Ну да ладно.

В Германию меня позвала Алена... Алена и есть та самая причина, по которой я в свои тридцать с хвостиком до сих пор не женат. Мы с ней дальние родственники, наши роди-

тели когда-то попытались разобраться в хитросплетениях генеалогии и выяснили, что она мне четвероюродная тетька. Она была младше меня на пять лет, и в школе я просто опекал ее как младшую сестренку. Когда после окончания техникума уходил в армию, она была уже почти взрослой, по крайней мере ей именно так казалось, девушкой. А когда вернулся со службы и увидел ее, я понял, что пропал. Увы, мои чувства хоть и были замечены предметом моего обожания, но остались безответными. Мы учились в одном институте, правда, пока я заработал деньги на учебу, она была уже на третьем курсе, нередко тусовались вместе. Почему мы так и не сошлись? Сложный вопрос. Наверное, мы все-таки слишком разные. Она всегда была в центре внимания, любила шумные развлечения, тусовки, клубы. Нередко напропалую влюблялась в очередного принца. Потом, разочаровавшись, бросала его и плакала. Иногда в подушку, иногда в жилетку. Что характерно, в мою. Я утешал ее, говорил, какая она умница и красавица, и выводил, как мог, из депрессии. Я клубы не то чтобы не люблю, но предпочитаю активный отдых. На те деньги, что стоит поход в хороший клуб, можно купить не один килограмм вырезки, замариновать его и устроить отличный отдых на природе. Накупаться в речке, натанцеваться не хуже, чем в любом другом месте. По банкам пострелять. Она оживала, расцветала, и все начиналось по новой. В перерывах между влюбленностями она пыталась устроить и мою личную жизнь, к сожалению, не тем способом, который устроил бы меня. Короче, Алена постоянно сводила меня со своими подругами. Я как-то подсчитал, что из всех девушек, с которыми у меня случались отношения в институте, с семьей меня познакомила она. Сколько их было всего? Джентльменам таких вопросов не задают. Семь и было, чего уж там.

На последнем курсе она выскочила замуж, и мы редко виделись. И вот несколько дней назад она меня нашла и предложила съездить в Германию. Не вдвоем, нет. Предполагалась достаточно немаленькая компания. Алена, ее муж Алексей, младшая сестра Алены Александра, она же Саш-

ка, она же Шурка (та еще оторва!), подруга Алены Светлана (ну как же без этого) и ваш покорный слуга. Зачем она меня позвала, я так до конца и не выяснил. Вообще-то я в нашей тусовке всегда считался знатоком Германии и немецкого языка. Кто-то из акул пера назвал наше поколение «учившим немецкий язык по порнофильмам». Увы, в этой нелюбимой характеристике много горькой правды. На фоне многих своих сверстников, знавших по-немецки только «das ist fantastisch», я действительно немного «шпрехал». И в «бундесе» действительно побывал. Кроме того, еще в институте, когда у Алены периодически возникали проблемы с чересчур наглыми ухажерами, я неоднократно выручал ее. Так что считался человеком априори надежным. Нет, не подумайте, я вовсе не боксер, и не каратист, и не бывший спецназовец. Я служил на флоте, и ВУС¹ у меня — такелажник артиллерийских боеприпасов. При необходимости я, конечно, могу двинуть ближнего своего кулаком в рыло, что, принимая во внимание мой рост сто восемьдесят пять сантиметров и вес под девяносто килограммов и давнее пристрастие к штанге, гилям и всяческим гантелям, может пагубно сказаться на здоровье пострадавшего. Но на практике «двинуть» так никому и не пришлось. Обычно, увидев подписку в моем лице, ухажеры теряли большую часть своей наглости и конфликт решался миром. Поизмельчал, однако, народ.

Я бы и не поехал, но сошлось несколько факторов. Наступило холодное время года, и наш кирпичный завод, на котором я и занимался снабжением, встал. Вообще-то это для кирпичных заводов норма. Разве что нормальное руководство зимнее время использует для планового ремонта. Увы, ни наш собственник, ни поставленное им руководство к таковым не относились. Персонал просто был распущен в неоплачиваемый отпуск до весны. В том, что запуск завода весной состоится, у меня были определенные сомнения, поскольку железо, в отличие от людей, издевательств не

¹ Военно-учетная специальность.

выдерживает и ломается. Но это так, к слову. Кроме того, еще летом я расстался с очередной своей пассией. В чем-то я ее понимаю: лето, солнце, жара и никакого моря. Что поделаешь, лето у кирпичников самое занятое время года, и вырваться нет никакой возможности. Да и живем не первый год, а в ЗАГС сожитель мало того что не зовет, а еще и вздыхает по лучшей подруге. Ну да, с Галиной нас тоже Алена познакомила. Судьба, блин, видно, такая. В общем, делать мне было сильно нечего, а тут возможность прокатиться за границу на халяву, да еще Алена рядом. Ну и вообще.

В отличие от прошлых своих поездок, добирались мы не поездом, а самолетом. Ну, как говорится, на дармовщинку и укус сладок, а тут далеко не укус. Все мои расходы по нынешней поездке свелись к посещению дьюти-фри. Шурка, заметившая мой маневр, плотоядно ухмыльнулась. Виски она уважала, и мы с ней нередко дегустировали что-нибудь подобное. Вообще, Шурка была девушкой достаточно интересной. Глядя на них с Аленой, было трудно заподозрить, что они сестры. Алена — изящная брюнетка с большими выразительными глазами на совершенно кукольном личике, всегда со вкусом одетая и накрашенная. Шурка — ее полная противоположность, русоволосая панка с короткой стрижкой, полным отсутствием макияжа и резкими порывистыми движениями. Назвать ее стиль одежды унисексом было вряд ли возможным — скорее уж просто мужским. При всем при этом у нее довольно приятное, пожалуй, даже красивое лицо, и если ее приодеть и намакияжить согласно половой принадлежности, получилась бы довольно привлекательная девица. Увы, последний раз я видел ее в платье еще в школе, до того как школьную форму отменили. Так что выглядела Сашка скорее как довольно смазливый паренек, и когда мы иной раз где-нибудь зависали, не знавшие нас люди косились. Ну нетолерантный у нас народ к секс-меньшинствам. Я, впрочем, к этой братии тоже отношусь без особых симпатий, скорее наоборот.

Алексея, мужа Алены, я знал мало — на свадьбе виделись, пару раз пересекались на праздниках, пожалуй, и все. То есть ничего плохого про него сказать не могу, скорее много хорошего. Из мягко говоря небедной семьи, но не мажор. Парень умный, начитанный, где-то интеллигентный даже. Родительские деньги не прогуливает, а преумножает. Цену им знает, но не жлоб, иначе зачем бы он на эту поездку тратился. В жене души не чаёт и во всем ей потакает. Похоже, единственный из всей родни, кто не догадывается, что я к его Алене неровно дышу. В общем, со всех сторон положительный человек, если забыть, что Алена за него вышла. Кроме того, он из той категории часто теперь встречающихся молодых людей, считающих, что во время Великой Отечественной войны наши предки совершенно напрасно так сильно сопротивлялись: «Пили бы теперь баварское». Ага. Когда я впервые услышал это, бить по жбану не стал, но общение сократил до минимума. Ну да, не люблю я таких. Я не великий патриот, но должно же быть хоть что-то святое.

Пятый член нашей импровизированной команды — Света, подруга Алены. Единственная, с кем я знаком не был. Довольно симпатичная шатенка лет двадцати семи, отличная спортивная фигура, одета со вкусом, но без вычурности, к которой иной раз склонна Алена. Блин, да что же я всех с ней-то сравниваю! Надо сказать, впечатления на Светлану я не произвел. Ну да, одеваюсь я не в крутых магазинах, а вовсе даже с рынка. Шевелюра, некогда густая и длинная, стремится к сокращению, посему стригусь коротко. Кожаная куртка и крепкие ботинки. Это еще что, видели бы вы мой спортивный костюм «аидас», в котором я когда-то машины гонял. В общем, на наших улицах люди моего типажа встречаются часто, и не со всеми хочется общаться. Единственное что выбивается из образа, — это очки. Ну да, ношу, минус три. Как на флот с ними попал? Ну так время-то какое было. Брали всех — хромых, косых, горбатых. Я на фоне многих еще и ценным кадром выглядел.

Ну и ладно, не больно-то хотелось, в смысле еще не вечер. Алена, кстати, часто мне указывала на недостатки моего гардероба. Дескать, по одежке встречают, и вообще... Но без особого успеха.

Самолет — это вам не поезд. Быстро, комфортно, запахи не докучают, попутчики не успевают напиться в хлам. Красота! Пока летели, Александра успела меня посвятить в неизвестные мне подробности. Оказывается, лететь должны были с Аленой, Алексеем и Сашкой родители последнего, точнее — наоборот. Предполагалось подписание каких-то важных документов и культурная программа. Однако отец Алексея, Михаил Иванович, заболел и поехать не смог, а мама Людмила Александровна, естественно, не могла его оставить одного. Таким образом, деловая часть поездки перешла от отца к сыну, а культурная программа оплачена — не пропадать же добру. Светлана, оказывается, помимо всего прочего, довольно большой менеджер в компании и привлечена в качестве эксперта, дабы любимое чадо чего по неопытности не напортачило. Ваш покорный слуга был в конце списка возможных кандидатов, но, во-первых, все были заняты, а во-вторых, всплыло мое гипотетическое владение языком Шиллера и Гете. Увы, остальные члены команды из иностранных языков знакомы были только с тем, на котором изъяснялись и творили Марк Твен и Чейз, то есть американским вариантом английского. Кроме того, Михаил Иванович однажды имел возможность вкусить шашлыка в моем исполнении и понаблюдать за стрельбой по пивным банкам. Очевидно, благодаря увиденному (и съеденному) проникся и полагал меня человеком бывалым и надежным. Я, естественно, разубеждать никого не стал.

На немецкой земле нас встречали ну не с помпой, но как довольно важных персон. Респектабельный господин, назвавшийся герром Клаусом. Комфортабельный минивэн, доставивший нашу гоп-компанию к снятому загородному дому. Да-да, никаких гостиниц! Единственное происшествие, омрачившее наше триумфальное прибытие, приключилось, когда мы, свернув с автобана, двигались по направ-

лению к снятому нам дому по местному проселку. Ах, видели бы вы тот проселок! Хотел бы я, чтобы некоторые наши федеральные трассы хоть чуть-чуть походили на эту проселочную дорогу! Тьфу, фашисты! Так вот, когда мы уже почти приехали, а герр Клаус рассказывал о местных достопримечательностях (за дорогой бы следил, олух), причем ваш покорный слуга хоть и не без труда, но довольно сносно переводил, на дорогу выскочил заяц. Заметивший его в самый последний момент Клаус попытался отвернуть и затормозить, причем одновременно. Кто ж его так водить учил! Никакая АБС с таким издевательством не справится, и нас совершенно естественно занесло. Глухой звук из-под днища автомобиля явственно свидетельствовал, что заяц повстречался с некой выступающей деталью. Присутствующие дамы разразились громким визгом, разве только Шурка произнесла нечто определенно нецензурное.

— Тихо! — подал я команду и покинул транспортное средство.

Ну, в принципе, ничего непоправимого не случилось. Минивэн съехал на обочину (мягко говоря), но должен выехать самостоятельно. Заяц, несомненно, покинул земную юдоль, ну да и царствие ему небесное. Про местные законы о защите животных я в курсе, но нас никто не видел, и косой нарушитель ПДД отправляется в пакет и в машину. Откуда пакет? Ну так лежит у меня обычно в кармане на всякий случай. Вот как раз на такой.

Герр Клаус явно в прострации от содеянного по неосторожности. Поэтому я мягко оттесняю его от руля, усаживаюсь сам и, потихонечку-полегонечку газуя, выезжаю на асфальт. Ну что, показывайте дорогу? И заодно расскажите, «майн герр», чем вас так взволновал данный ушастый представитель фауны, которого вы (да, именно вы) так ловко лишили жизни. А то вот дедушка мой рассказывал, что немцы — люди совершенно невозмутимые. Где он видел немцев? Под Сталинградом встречались. Герр Клаус вздрогнул и поведал совершенно фантастическую историю. Оказывается, оный заяц — местная достопримечательность. Его так

и называют «wütender Hase» — «бешеный заяц». Знаменит он тем, что совершенно безбоязненно скачет по дорогам, прыгает на прохожих и проезжающих и вообще всячески их третирует. Причем нанести ему какой-либо вред считается плохим предзнаменованием, и местные всячески избегают причинять ему неудобства. Впрочем, заяц довольно хитер и ловок, так что нанести ему вред не так-то просто. И герр Клаус — первый, кому это удалось. Я как мог попытался успокоить немца и пообещал придать его (косога) земле со всеми полагающимися почестями, заодно внедрил в его голову мысль о том, что явка с повинной в полицию — не самая лучшая идея.

Загородный дом, в котором нас разместили, был выше всяких похвал. Достаточно старинный, он тем не менее обладал всеми возможными благами цивилизации в виде трех ваннных комнат и стольких же уборных. Довольно помпезных, на мой плебейский вкус, спален было тоже три. Еще куча всяких комнат неясного назначения и совершенно очаровательная гостиная с камином и звериными мордами на стенах. Лепота-то какая, красота! Прислуга имелась приходящая, в данный момент отсутствовавшая, кухня полный отпад и просто гигантский холодильник, набитый всяческими продуктами. Пока гламурная часть нашего общества отправилась отмокать в ванны, мы с Шуркой оккупировали кухню. Ушастый нарушитель ПДД, довольно жирный, несмотря на позднюю осень (или раннюю зиму), был жестоко ободран, выпотрошен, порублен на части и совершенно цинично положен в кастрюлю и залит пивом из холодильника. Кастрюля, в свою очередь, водружена на плиту, плита включена. Шулюм обещал быть совершенно великолепным. Конечно, одного зайца на пять рыл совсем недостаточно, поэтому на прочих конфорках также что-нибудь жарилось, варилось и умопомрачительно пахло. Алексей первым закончил водные процедуры, и в ванну отправилась Шурка. Ее банный квест также долго не продлился, и, поскольку процесс готовки подходил к концу, я, передав ей бразды правления, отправился принять душ.

Когда дамы наконец почтили нас своим присутствием, ужин был готов. Алена с Алексеем, не говоря об Александре, были знакомы с моими кулинарными талантами, а вот Светлану я определенно удивил. Ну что же, удивить — в нашем деле это первый шаг к тому, чтобы победить, в смысле уложить. Ну вы поняли. Обычно я человек немногословный, исключений бывает два. Первый — это когда мне надо получить с поставщиков максимальную скидку, второй — когда выпью в хорошей компании. Поскольку пивом мы с Сашкой заливали не только зайца, язык у меня развязался. Я травил байки о службе на флоте, безбожно, естественно, привирая при этом, рассказывал анекдоты, смешные случаи из жизни. Слушатели, также отдавшие должное пивоваренной продукции фатерлянда, дружно смеялись. Потом была музыка, немного танцев. Наконец Алексей и Алена объявили, что идут спать. Между нами, ветеранами флота, говоря, давно пора. Света раскраснелась, раскрепостилась и ничуть не напоминала ту немного высокомерную девушку из высшего общества, что садилась в самолет. Была, правда, одна проблема, а именно — Шурка. Пивом ее не проймешь, и выражение лица выразительно намекает, что пора повысить градус. Я в принципе не против, Светлана, как оказалось, тоже.

В гостиной полумрак, в камине потрескивают, догорая, дрова. Мы сидим перед камином на полу, обложившись диванными подушками. Отблески медленно затухающего огня на наших лицах придают им совершенно фантастические выражения. Разговоры становятся все откровеннее, а шутки раскованнее. Глаза поблескивают все ярче. Девушки явно затеяли какую-то игру, но я слишком много выпил, чтобы остановиться. Заводила, очевидно, Света, Шурка никогда себя так не вела. С ней хорошо выпить, поговорить о жизни, пострелять наконец. К женскому мозгокрутству она совершенно не склонна, а вот поди ж ты. Ну, девчонки, не я эту игру начал. Вокруг почти темнота, когда губы находят друг друга, руки касаются бархатной поверхности тела. Поцелуи становятся все жарче, руки проникают все глубже,

одежды остается все меньше. Какое то наваждение, морок накатывает на нас, и три тела сплетаются в какой-то совершенно немислимый клубок страсти.

Когда-то давно служба на флоте нанесла моей психике совершенно невосполнимый урон. Сколько бы я ни выпил, как бы поздно ни лег, что бы ни случилось, я просыпаюсь в шесть утра. Так произошло и на этот раз. Открываю глаза и оглядываю окружающее пространство. Ну что же... не приснилось! Приподняв одеяло, убеждаюсь, что лежу в чем мать родила меж двух девиц, столь же тепло одетых. Положительный момент только один (если не считать приобретенного опыта): мы все-таки перебазировались в спальню. На громадной кровати вполне можно было разместить еще столько же... хм... а ни фи́га себе у вас фантазии, молодой человек! Хватит с вас и этого свального греха. Осторожно выбираюсь из постели и отправляюсь разыскивать одежду. Одежда, причем не только своя, благополучно найдена и отправлена по назначению. То есть моя надета, а девичья разложена на стульях в спальне. Исполнив долг честного человека (самому смешно) и уничтожив наиболее бросающиеся в глаза следы «преступления», я отправляюсь дальше. В холодильнике, точно помню, была минералка — так, уже легче. Уборная, умывание. Приятно чувствовать себя человеком.

Начинаю готовить завтрак: блюд будет три. Первое, мое коронное после мяса — «омлет с тем, что найду в холодильнике». Второе — крепко заваренный чай. Третье — для тех, кто не любит второго. То есть кофе. Сам я без чая не могу. Кофе пью только в самых крайних случаях. О том, что немцы, напротив, предпочитают кофе, я наслышан (плавали, знаем), так что пачка чая у меня есть с собой. За всеми этими движениями дело идет к семи, по дому распространяются соблазнительные запахи. Сначала появляется Алексей — от омлета он отказывается, а вот кофе пьет с удовольствием. Ну, как говорится, хозяин — барин, нам больше достанется. Алена, я знаю, сова, ее если не разбудить, она до обеда может проваляться. Так что следующими гостями будут Света

или Саша. Сам с собой поспорил, что первой встанет Шурка, и поспорил. Пришли обе. Молчат, друг на друга и на меня стараются не смотреть. И как это у них получается? Надо как-то разрядить обстановку. И Остапа понесло. Придав лицу возможно более скорбное выражение, вопрошаю:

— Ну что, довольны? Я себя для невесты берег, а вы... воспользовались моей неопытностью...

Шурка, знакомая с моим специфическим чувством юмора, начинает первой ржать как необъезженная кобылица. Через секунду к ней присоединяется Света. Фух, пронесло.

— Нет, вы на них посмотрите! Они еще и смеются! — восклицаю я голосом «тети Сони». — Ладно, садитесь есть!

Завтрак проходит в теплой, дружественной — ну почти — обстановке. В смысле никакого конфликта не произошло. Вскорости приехал герр Клаус, и мы отправились отбивать первую часть нашего вояжа. То есть Алексей и Светлана должны были заняться делами. Поскольку принимающая сторона английским владела, в моих скромных услугах не было нужды. Так что я в компании Алены и Александры занимался осмотром достопримечательностей, в данном случае — офиса. Надо сказать, офис того стоил. Очевидно, в прошлой жизни это здание было замком или чем-то в этом роде. Несомненно, несколько раз перестроенное, оно тем не менее сохранило своеобразный дух древних времен. Стены, задрапированные гобеленами, были увешаны старинным оружием, и что-то мне подсказывало, что это не новодел. Роль гида играл герр Клаус, он довольно интересно рассказывал об истории городка, куда занесла нас судьба. Оказывается, в старые времена жизнь тут просто кипела. И как раз сегодня очередная годовщина одного знаменательного события. Именно в этот день почти четыреста лет назад, а именно 14 декабря 1610 года, в нем сожгли последнего еретика.

— И кто же был этот несчастный? — поинтересовались мы.

Ответ, надо сказать, меня удивил: «Иоганн Альбрехт фон Стрелиц принц Мекленбургский».

— А что, принцев тоже сжигали?

— В этом случае, несомненно, случилось именно так. Дело в том, что принц был изрядным повесой. Сначала он соблазнил дочерей местного бургомистра. А когда скандал стал достоянием общественности, ничтоже сумняшеся заявил, что не может жениться на девицах столь низкого происхождения. Тем более на обеих сразу. Впрочем, когда сын бургомистра потребовал удовлетворения, низкое происхождение не помешало принцу проткнуть его шпагой.

— Вы сказали — дочерей? — переспросил я.

— Именно так, двух одновременно! — подтвердил Клаус.

Я по инерции перевел эту фразу и опомнился только от хмыканья Шурки.

— И откуда только такие подонки берутся? — саркастически воскликнула она.

— Сам в шоке, — только и смог я ответить.

Тем временем мы прошли в очередной зал, главным украшением которого была огромная, почти во всю стену картина. Она, картина, как выяснилось, была посвящена суду над несчастным любвеобильным принцем. Принц, молодой, гордый и красивый, был в центре композиции, вокруг — стража и обвиняющий его бургомистр. На заднем плане — инквизиторы. Короче, картина внушала!

— А ведь принц на тебя похож! — воскликнула Алена.

— Да ну на фиг, — немедленно отреагировала Шурка.

Действительно, стоящего в центре композиции сублимного молодого человека нельзя было перепутать со мной даже с великого перепоя.

— Да серьезно! Ты вспомни, каким мы его в армию провозжали.

— Ну не знаю, — протянула Александра, — вообще, что-то есть.

Я обрадовался, что разговор пошел в другом русле, спросил Клауса:

— Послушайте, Мекленбурги — весьма знатный и могущественный род, кстати, славянского происхождения. Почему они не заступились за своего родственника?

— О, натюрлих! — согласился наш гид и поведал совершенно душеспасительную историю.

Папаша несчастного принца Сигизмунд Август Мекленбургский был младшим сыном герцога Иоганна Альбрехта I и с детства отличался крайне дурным нравом. Когда поведение молодого человека стало совершенно невыносимым, папаша лишил его наследства, однако назначил нехилую пенсию и пожаловал три города. Право на титул он, впрочем, сохранил. В 1593 году принц женился на дочери имперского князя Богуслава Померанского, которая вскоре родила будущую жертву инквизиции и собственного распутства. В 1600 году Сигизмунд Август умер, оставив юного Иоганна Альбрехта сиротой. Мамаша после довольно долгого траура вновь вышла замуж. И как-то само собой получилось, что малолетний принц был предоставлен сам себе. Достойное образование ему дать позаботились, а вот про воспитание забыли, и молодой человек пустился во все тяжкие. К тому времени, когда он вляпался в историю с дочками бургомистра, поведение принца настолько достало венценосную родню, что они палец о палец не ударили, чтобы помочь беспутному родственнику, а ведь ему было всего шестнадцать! Кроме того, три города тоже на дороге не валяются, так что судьба Иоганна Августа была решена. Сыграла свою роль и приверженность Мекленбургов лютеранству. Местное католическое большинство отнеслось к поджариванию еретика с полным пониманием. Забегая вперед, надо заметить, что впоследствии Мекленбурги попытались отомстить за родню. Во время Тридцатилетней войны Мекленбургский герцог со шведскими войсками разграбил местные окрестности. Однако сам город устоял, да и главный виновник аутодафе бургомистр к тому времени уже умер. Бургомистр, надо сказать, тоже был личностью замечательной. Звали его Курт Рашке. Пятый сын небогатого коммерсанта, он не имел никаких надежд на на-

следство, поэтому еще в детстве был отдан в ученики местному стряпчему. Однако малый был упорным и в ремесле крючкотворства весьма преуспел. Кроме того, по воле Всевышнего старшие братья его один за другим покинули этот мир от различных болезней, и Курт получил все отцовское состояние, которое сумел не только сохранить, но и преумножить. Со временем Курт Рашке стал бургомистром и мог бы с полным основанием сказать, что «жизнь удалась», но тут на горизонте возник принц и все опошил. Мало того что он лишил девичьей чести дочек почтенного бюргера — так он еще и уколошил единственного сына. Было отчего взбелениться, и горящий мщением бюргер проявил поистине дьявольскую изобретательность. Он обвинил принца в ереси и колдовстве, да так искусно, что оправдаться у несчастного юноши не получилось. Злые языки говорили, что свидетели были подкуплены, но, видимо, все звезды сошлись против принца. Кстати, одна из дочек родила от принца папаше Курту внука, который и унаследовал от дедушки и фамилию, и семейное дело, а впоследствии и должность бургомистра. Кстати, герр Клаус тоже один из потомков Курта Рашке и, соответственно, принца Иоганна. Вот такая Санта-Барбара на немецком ландшафте.

После окончания деловой части мы дружно отправились на обед. Воздав должное немецкой кулинарии, вся наша гоп-компания отправилась полюбоваться на местный карнавал. Немцы, надобно заметить, интересные люди — мало того что они не один раз заливали всю Европу кровью, они еще и ухитрились устроить праздник из такого, мягко говоря, нерадостного события, как сожжение человека. Карнавал, впрочем, получился замечательным. Мы гуляли по празднично украшенному старинному городу, любовались его достопримечательностями, слушали музыку в исполнении уличных оркестров. Увы, мне было не до окрестных красот. Несмотря на мой вполне зрелый возраст и небедный жизненный опыт, в такой глупой ситуации оказываться мне еще не доводилось. Две прекрасные девушки, доставившие мне, не побоюсь этого слова, неземное блаженство

этой ночью, поразмыслив, очевидно решили, что одного меня на них двоих не хватит, и развернули настоящее сражение за мою тушку. Каждая из них держала меня за руку и улыбалась самой обворожительной улыбкой. Причем я — нет бы выбрать одну — с небывалым усердием старался ухаживать за обеими. Не знаю уж, что на меня нашло, но в душе моей царил полный раздраз. Гляжу на Светлану — и понимаю, что именно ее я и искал всю жизнь, на Шурку — и вижу, что всю жизнь был редкостным дураком и не понимал, что счастье бродит рядом. Посмотрю на обеих — и душу начинает щемить так, что жить не хочется. А если в поле зрения попадает Алена...

Кстати, а что это? Какой-то чернявый парнишка невнятной внешности хватает сумку Алены и бросается со всех ног прочь. Окружающая нас мирная и праздничная действительность, очевидно, расслабила нас, и никто сразу не понимает, что случилось. Никто, кроме меня. Уличному воришке, на его горе, бежать надо к ближайшей подворотне мимо меня. Еще не до конца понимая, что случилось, я, аккуратно освободившись от девичьих ладоней, делаю два шага вперед и резко поднимаю руку. Злоумышленник на всем ходу бьется головой о мою конечность и растягивается на мостовой. Подойдя, поднимаю сумку и, развернувшись, следую к потрясенным моим героизмом дамам. Гордитесь, девушки, какая куча доблести и мужественности вам отломилась! Девушки и правда смотрят на меня как на памятник в Трептов-парке. Только Шурка вдруг вскрикивает и пытается мне что-то сказать, как в левом боку возникает острая боль. Разворачиваюсь и вижу злобную физиономию давешнего злоумышленника. Очевидно, он, будучи в расстроенных чувствах, не выдержал тяжелых нравственных страданий и, вместо того чтобы валить со всех ног с места происшествия, подбежал ко мне и воткнул в бок какой-то острый предмет. Ну не паскуда ли? Зря ты это затеял, парень, и прежде чем додумать эту мысль, я бью ему в физию своим тяжелым пролетарским кулаком. С удовлетворением слышу, как хрустят его лицевые кости, и падаю. Странное

дело: лицо уличного воришки почему-то неуловимо напоминает заячью морду. Какие, однако, глупые мысли лезут в голову... Ловлю себя на том, что вижу со стороны расprostертого на земле здорового мужика и трех плачущих над ним девушек. Какая героическая смерть, подумалось... Смерть?

Недаром в народе говорят, что утро добрым не бывает. Просыпаюсь, как всегда, в шесть утра, когда все мало-мальски адекватные люди спят. Почему-то дьявольски болит голова. Странно, вроде бы вчера пострадал бок, а болит, просто раскалывается, именно голова. Я, наверное, в больнице, хотя окружающая обстановка больницу совсем не напоминает. Какая-то странная одежда, кстати, почему я в одежде? Впрочем, это, вероятно, пижама. Да, точно пижама, просторная рубаха и короткие штаны. А я сильно похудел — наверное, все-таки все эти невероятные происшествия были не вчера. Громко, ужасно громко бьет по ушам чей-то неприятный, просто отвратительный голос.

— Вы уже очнулись, прекрасно! Сейчас я кого-нибудь пришлю.

Голос принадлежит какому-то странно одетому мужику, смотрящему на меня сквозь решетку (!) на двери. Есть еще какое-то несоответствие, которое не дает мне покоя. Я пытаюсь понять, в чем дело, но не могу сосредоточиться. Внезапно мои многострадальные мозги выдают совершенно дикую мысль. Дело в том, что немецкий язык, на котором я говорю, называется хойдойч. Это далеко не единственный немецкий диалект, но его понимают все. Я же других не понимаю, от слова «совсем», поскольку различий в них куда больше, чем у русского и, скажем, украинского. Украинский я, кстати, понимаю. Так вот, говорили со мной определенно на немецком, но это был ни разу ни хойдойч! И что самое удивительное, я его понимаю прекрасно. Ох-ох-ох... что же со мной приключилось?

Обхватываю голову руками — и новый сюрприз. Я уже упоминал о том, что стригусь максимально коротко? А те-

перь на моей голове довольно длинные, густые и... грязные волосы! Ноги перестают меня держать, и я плюхаюсь на то, что служило мне ложем. Облизываю пересохшие губы, и в голову приходит еще одно несоответствие. Над моими зубами немало потрудились стоматологи, и язык постоянно натывается на пломбы и пропуски. Давно надо бы протезировать, но нет ни времени, ни силы духа. Так вот, ничего похожего. Все зубы целы, и нет никаких пропусков. Кстати, а где мои очки? И почему я все хорошо вижу? Все! Я сошел с ума! Так не бывает. Спасительное забытие охватывает меня, и я отключаюсь от окружающего меня дурдома.

— Ваша светлость, какое счастье, что вы очнулись, — слышу я сквозь забытие.

Какой-то старик хлопочет вокруг больного меня.

— Где я и что со мной? — говорю я с трудом.

— О, ваша светлость, вы в городской тюрьме. Точнее, в доме ее начальника. Эти негодяи не посмели поместить принца вместе со всяким сбродом. У нас все-таки добропорядочная Германия, а не эта ужасная Франция, чтобы принцы сидели в Бастилии.

— А кто у нас принц? — ошарашенно интересуюсь у старика.

— Вы, ваша светлость! Вы ничего не помните?

— Увы, друг мой, совершенно ничего. А что за принц? И кто вы?

— Час от часу не легче! Вы — Иоганн Альбрехт фон Стрелиц принц Мекленбургский! А я — ваш верный слуга, служащий вам с момента вашего рождения, Фридрих. Ваша светлость, когда находится в хорошем расположении духа, называет меня «старый Фриц». Вы что, совсем ничего не помните?

— Нет, а как я оказался в тюрьме и почему у меня так болит голова?

— Ох, ваша светлость, вас арестовали после того, как вы проткнули живот несчастному Рашке-младшему. Жаль, конечно, молодого человека, но он сам виноват.

И тут я понимаю, что не просто сошел с ума: у меня натуральная шизофрения. Только что я узнал о существовании этого принца — и вот я уже в его теле. А вокруг, вне всякого сомнения, палата номер шесть. В безудержном желании избавиться от свалившегося на меня наваждения я крепко щипнул себя за руку. Блин, больно! По крайней мере, я не сплю. Интересно, а при шизофрении боль чувствуют? Или это все-таки реальность? Странная извращенная реальность? Впрочем, все эти мысли, хаотически мелькающие в моей голове, не мешают мне поддерживать разговор.

— А что случилось, Фридрих? Расскажи мне, пожалуйста, а то я ничего не помню.

И Фридрих рассказал мне новую версию истории принца. В Кляйнштадте принц гостил по приглашению местных бургграфов. Благородного общества в этой глуши не хватало, и поэтому в его число были приняты дети наиболее зажиточных бюргеров, в том числе и отпрыски бургомистра Рашке. Как-то хозяева устроили что-то вроде барбекю на природе. Все было чинно и благородно, но внезапно разразилась гроза, и мероприятие немедленно превратилось в филиал горящего бардака во время наводнения. Юный принц, на свою голову, проявил галантность и помог дочкам бургомистра укрыться от непогоды в одиноко стоящей хижине в лесной чаще. Что между ними случилось, лучше всего выражает русская поговорка «дело молодое». Все бы осталось лишь пикантным приключением, но одна из девушек забеременела. Сын бургомистра, не великого, к слову сказать, ума парень, схватив первую попавшуюся острую железяку, прибежал требовать объяснений. Принц проявил максимум возможной в его обстоятельствах кротости и толерантности, но, когда оружие молодого Рашке третий раз просвистело мимо его уха, потерял терпение, и... у бургомистра не стало сына. После этого Иоганна Альбрехта попытались арестовать, а он, естественно, был против. Однако стражники владели оружием лучше молодого Рашке и потому отделались лишь несколькими ранениями. Эти ранения их так разозлили, что высокородному принцу тоже дос-

талось. Очевидно, один из ударов стал роковым, и принц потерял память.

Хм, а голова-то болит. Какой-то больно реалистичный глюк. Интересно. А когда эту тушку потащат на костер, все ощущения передадутся так четко? Брр... Проверять что-то совсем не хочется. Кстати, аутодафе состоится четырнадцатого декабря.

— Мой добрый старый Фриц, — максимально елейным голосом интересуюсь у верного слуги. — А какой сегодня день?

— Двенадцатое августа, ваша светлость.

Ого, то-то мне показалась, что потеплело, — а у меня в запасе три месяца, недурно: должна же эта шизофрения закончиться. Хотя... а когда ввели григорианский календарь? Не помню, блин, вообще почти ничего о данном периоде не помню. Помню, что Тридцатилетняя война начнется лет через семь или восемь, да и то из рассказа Клауса. Стоп, пусть исторических событий в большом масштабе я не помню, но конкретно историю принца мне рассказали достаточно подробно и в принципе не сильно переврали. Акценты, конечно, по-другому расставили, но расклад более или менее понятен. Что же делать? Думаю, перво-наперво надо встретиться с бургомистром.

Встретиться удалось на третий день. Я этого времени зря не терял. Во-первых, с помощью верного слуги пытался узнать как можно больше информации об окружающем меня времени. Во-вторых, занялся физическим состоянием своего нового тела. Не знаю, шизофрения это или нет, но запускать себя не стоит. Тело, кстати, не такое уж плохое. Да, худосочное, но для своих шестнадцати лет неплохо развитое. Мускулатура имеется, гибкость, пожалуй, на порядок лучше, чем у моего прежнего (или будущего?). Похоже, парень серьезно занимался фехтованием. Ну что же, полезный навык для окружающих меня времен, надеюсь, смогу им воспользоваться в полной мере. Когда бургомистр появился, я как раз занимался приседанием с табуреткой на вытянутых руках. Табуретка была тяжелой, и держать ее в

одной руке пока не получалось. Очевидно, такое поведение было нетипичным для принцев, и старший (а теперь и единственный) Рашке смотрел на меня со смесью недоумения и злорадства. Эге, а дяденька-то меня всерьез ненавидит, хотя и побаивается. И явно что-то затеял. Ну на самом деле что он затеял — я знаю, так что поборемся.

— Проходите, герр Рашке, садитесь, — говорю я и подвигаю ему свой импровизированный спортивный снаряд. — Вы, очевидно, знаете, что я ничего не помню из прошедших печальных событий, но мне кажется, вам есть что сказать.

Вот тут я угадал: у герра Рашке накопилось ко мне много чего. Кстати, мы, русские, совершенно напрасно думаем, что как-то непревзойденно ругаемся. За остальных не скажу, а вот слышал я как-то немецких моряков... Герр Рашке, хотя и не был моряком, не подкачал. Высокое происхождение принца, конечно, накладывало определенные ограничения, но почтенный бургомистр справился. Уважаю!

Вы никогда не пробовали уговорить незнакомого поставщика поставить вам некие материальные ценности без предоплаты? А я не только пробовал, но и уговаривал. Есть тут одна тонкость — на самом деле их много, но эта главная: надо во всем соглашаться с оппонентом. Примерно так: «Да, герр Рашке», — «Мне очень жаль, герр Рашке», — «Это очень печально, герр Рашке», — «Вы совершенно правы, герр Рашке». Когда фонтан красноречия почтенного бургомистра иссяк и он, сбитый с толку моим примирительным отношением, замолчал, я самым вкрадчивым голосом спросил его:

— Герр Рашке, а вы уже нашли лжесвидетелей?

— Каких лжесвидетелей? — поперхнулся бюргер.

— Которые обвинят меня в ереси, идолопоклонстве и колдовстве?

— Что вы такое говорите, ваша светлость!

— Моя светлость так сильно пострадала от ваших стражников, что я забыл все свое прошлое, однако Господь в своей неизбывной милости взамен открыл мне грядущее.

А оно очень безрадостно, особенно для вас, дорогой мой герр Рашке! Да-да, для вас. Хотите, поделюсь? Ну так вот. Когда один молодой и взбалмошный принц предстанет перед святым трибуналом, он не станет ничего отрицать. Да-да, вот возьмет и раскается, а когда его спросят, кто же вовлек его юную христианскую душу в столь страшный грех, он укажет на семью некоего бюргера. Вышеупомянутый бюргер просто знаменит своим непревзойденным колдовством, с помощью которого он в свое время отправил на тот свет всех своих родственников и стал единственным наследником.

— Меня в то время не было в городе, — напряженным голосом ответил бургомистр.

— О, это было бы оправданием, если бы речь шла об отправлении, но для колдовства расстояние ведь не помеха, не так ли? Но, если позволите, я продолжу. Этот бюргер в свое время начинал стряпчим и человеком был довольно ловким. Есть небольшая вероятность, что он сможет оправдаться. Но у принца есть могущественные родственники. Да, герр Рашке, могущественные! Так уж случилось, что они не слишком любят принца в качестве живого родственника, но очень может статься — захотят отомстить за него мертвого. Скажем, наложив контрибуцию на ваш прекрасный город. И потребовать в придачу голову бургомистра. Как вам такая перспектива, любезнейший господин бургомистр? Да не смотрите вы на меня так, мы же с вами почти родственники!

— Чего вы хотите? — Голосом Рашке можно было морозить свиные туши на рынке.

— Чего я хочу? Господь вседержитель! Вопрос не в том, чего я хочу, — вопрос в том, какой выход для нас с вами будет наилучшим в данной ситуации. Давайте смотреть правде в глаза. Вашего сына не вернуть. Я в силу своего происхождения не могу жениться на вашей дочери, это было бы катастрофой для меня и мало помогло бы вам. Ваша дочь беременна? Что же, не самый плохой вариант, поверьте мне. Наши законы позволяют, чтобы вы усыновили мла-

денца и завещали свое дело ему. Я со своей стороны мог бы похлопотать о гербе для своего юного бастарда. Правда, мне для этого необходимо быть живым и здоровым. Поэтому отвечайте честно: вы уже сообщили куда следует о поимке еретика?

— Да, — тяжело вздохнул Рашке.

— Тогда вы должны устроить мне побег. Я уеду на некоторое время подальше, а потом, когда все забудется, вернусь. В воздухе пахнет порохом, постоянно где-нибудь идет война. Я могу погибнуть на ней, а могу и преуспеть. Вот тогда и вернемся к нашему разговору о будущем.

— А что я скажу святому трибуналу?

— Не разочаровывайте меня, неужели столь опытный человек не найдет, что сказать в данной ситуации? Ну был предполагаемый еретик и колдун, ну сбежал, ну, наверное, дьявольским наущением. Найдете что сказать, не маленький.

— Мне нужно подумать.

— Некогда думать, уважаемый, надо как можно быстрее попытаться исправить ситуацию. Ну да, настолько, насколько это возможно.

Фух, еще не победа, но, кажется, первый раунд за мной.

Через три дня ранним утром, или, точнее сказать, совсем уж поздней ночью, мы покинули оказавшийся столь негостеприимным город. Мы — это ваш покорный слуга, называйте меня хоть Иоганном Альбрехтом, хоть Иваном Никитиным, и мой старый добрый слуга Фридрих. Старик нянчился с принцем с младенчества и очень привязан ко мне. Ко мне? Ну да. Я все больше начинаю воспринимать это тело как свое. Мы едем верхом. Сначала перспектива подобного путешествия вызвала у меня легкую оторопь, но принц, как видно, был недурным наездником и навык достался мне по наследству. Еще пара лошадей похуже у нас в поводу. На них нагружены кое-какие припасы и пожитки. Пожитков, кстати, не так мало. Я детально не разбирался, но помимо нескольких комплектов одежды там здоровен-

ная кираса и шлем, а также несколько шпаг, кинжалов и прочих приспособлений для умерщвления себе подобных. Это помимо того, что висит на нас с Фрицем. У меня на поясе шпага, та самая, что лишила в свое время жизни несчастного Рашке-младшего. Мы с Фрицем пару раз фехтовали... Ну что можно сказать? Шпагу я держу как шампур с шашлыком. Фехтую примерно так же, по крайней мере, пока думаю о процессе. Но когда отвлекаюсь, моторная память прежнего владельца тела возвращается, и я довольно ловко орудую своим клинком. Еще на поясе висит кинжал, Фриц называет его «дага», его тоже можно использовать в бою. В седельных кобурах-ольстрах¹ у меня два кремневых пистолета. Впрочем, я бы эти орудия пистолетами не назвал. В фильмах о Гражданской войне бандиты часто вооружены обрезам — так они (обрезы) покороче моих пистолетов будут. Мой арсенал завершало нечто вроде легкого карабина. Фриц назвал его кавалерийской аркебузой. Довольно легкое и удобное ружьецо с вычурным ложем и прикладом, украшенными сверх всякой меры. Главной особенностью его являлся колесцовый замок, здоровенная хрень, покрытая гравировкой. Для его завода необходим специальный ключ, но осечек, по словам Фрица, у этого монстра не бывает. Ну что же, посмотрим. Фриц экипирован под стать мне. На поясе у него палаш, тоже два пистолета, а вместо аркебузы, мама моя родная, здоровенный арбалет. Одежда тоже заслуживает описания. Никогда в прошлой жизни я не был одет столь вычурно. Дорожный костюм принца составляли бархатная темно-коричневая куртка и такие же короткие штаны. Из-под куртки выглядывала рубашка с огромным, на мой взгляд, кружевным воротником. Такие же, только поменьше, кружева на запястьях. По идее, такие должны быть и на чулках, обтягивающих мои икры, но от них я решительно отказался, тем более что на ногах ботфорты и чулок не видно. На голове моей сидела некая смесь широкополой шляпы с беретом, украшенная пером.

¹ О л ь с т р а — седельная кобура.

Ну чем вам не д'Артаньян! Фриц одет в том же духе, но поскромнее.

Примерно около полудня мы остановились на привал. Фриц споро расстелил попону и разложил нехитрый припас. Довольно приличный кусок ветчины, сыр и хлеб. В качестве питья прилагался бурдюк с чем-то определенно алкогольным. Старый слуга стоял перед импровизированным дастарханом и всем своим видом пытался показать, что готов мне прислуживать. Этого еще не хватало! Достал свою дагу и отрезал по два справных ломтя от каждого продукта. Получилось два нехилых бутерброда — один передал Фрицу, а во второй вгрызся сам. Какая прелесть! Путешествие продлилось довольно долго, так что аппетит я нагулял. Махнул рукой пытающемуся возражать слуге — дескать, заткнись и ешь! Не до церемоний. Надо чем-то запить, и я потянулся к бурдюку. Фриц подскочил и налил мне вина в украшенную затейливой резьбой серебряную чашку. А недурно! Впрочем, надо помнить о несовершеннолетнем возрасте моей нынешней тушки и на спиртное не налегать. С другой стороны, пить некипяченую воду в этом царстве антисанитарии — дело опасное. Пока мы насыщались, на сцене появился еще один персонаж. Заметив нас, он решительно повернул в сторону нашей стоянки. Я внимательно рассматривал его. Молодой человек, скорее мальчик, на невысоком коне, чуть больше пони. Одет не бедно, но явно как горожанин, а не дворянин. И не спрашивайте меня, как я это понял.

— Принц! — воскликнул он звонким голосом. — Вам угрожает опасность!

— Вот как, отчего же?

— За вами погоня! — И добавил более тихо: — Принц, вы меня не узнаете?

— Погоня? Кто и сколько их? — Вопрос я проигнорировал. Как-то привык за последнее время, что меня знают все, а я никого.

— Стражники Кляйнштадта, девять человек. Они хотят убить вас!

— Вот как? Хотят убить?

— Да, именно так. — И, немного помявшись, добавил: — Им заплатил бургомистр, чтобы они не взяли вас живьем.

Вот, значит, как: мой добрый друг и «почти родственник» Курт Рашке все-таки не сдержал своих кровожадных наклонностей и решил довести месть до конца. Очень мило.

— Далеко ли преследователи?

— Мне удалось обогнать их разве на час, скоро они будут здесь.

М-да, наши лошади немного отдохнули, но удастся ли выиграть скачку? Вот я не уверен.

— Нужно устроить засаду, — подал голос Фриц. — Здесь есть неплохое местечко, я их смогу задержать, мой принц, а вы бегите.

— Ну уж черта с два! Никуда я не побегу! А знаешь, старый ворчун, у меня есть план. Эй, юноша! Вы определились, на чьей вы стороне? Тогда для вас есть работа.

Преследователи, заметив принца и его жалкую свиту, восторженно заорали. Добыча близка, а стало быть, близко и вознаграждение. Они увидели, как принц, заметный благодаря своему наряду и шляпе, рванул вскачь, слуга немного отстал. Ничего, слуга будет на закуску, а там и его высочество пожалует. И кавалькада из стражников, вопя и улюлюкая, изрядно растянувшись, рванула в погоню по петлявшей по лесу дороге. Когда первые всадники показались из-за поворота, я одним ударом перерубил петлю, удерживающую согнутым ствол молодой ивы. Деревце выпрямилось и натянуло веревку между стволами. Несшиеся вскачь стражники заметили неожиданно возникшее препятствие, только когда лошади стали падать, ломая ноги себе и шеи своим седокам. Пятеро преследователей временно вышли из строя, но четверым оставшим удалось поднять своих коней на дыбы и остановиться. Ну что же, могло быть и получше. Тщательно прицелился из аркебузы и плавно нажал на курок. Колесико хитроумного механизма зажуж-

жало, высекая искры из кусочка пирита. Порох на полке вспыхнул, и карамультук произвел «бабах». Ого, а у изделия старых мастеров недурной бой для гладкоствола, это я вам говорю. Минус один, осталось еще трое. Я выскочил из своей засады, шпага на поясе, в руках по пистолету. Побежал к стражникам, пока они не успокоили своих коней. Какой бой у этих страхолюдных обрезов, я не знал, а рисковать не хотелось. Поэтому подскочил как можно ближе и разрядил пистолет в упор. Еще минус один, итого два. Но противник тоже не пальцем деланный, и оба ландскнехта, наконец справившись с лошадьми, направились ко мне. Это не есть гут, но есть еще один пистолет. Отбросил разряженный и прицелился в ближайшего ко мне стражника. Он, пытаясь закрыться конем, поднял его на дыбы. Прозвучал щелчок, и... тишина. Осечка, ах ты, допотопный огнестрел! Впрочем, мой противник тоже не ожидал такого везения и замешкался, поэтому я успел подбежать к нему и ткнуть шпагой в ногу. Не очень изящно, но какой-никакой, а урон. Тут в наш милый междусобойчик вклинился последний стражник. Был бы я в своей прежней (или будущей) физической форме — я бы схватил дрын потяжелее и без лишних церемоний повышибал своих оппонентов из седел. Против лома, как говорится, нет приема! Однако в теле шестнадцатилетнего пацана такие экзерсисы не проканоют. Так что есть то, что есть, и, отчаянно вертясь, я отбивался от палаша противника своей шпагой. Причем старался именно увернуться. Мой оппонент мужик здоровый, и вряд ли я с ним сладил бы лицом к лицу. На мое счастье, бой на коне не самая сильная сторона городского стражника, и пока мне удалось избегать ударов этого гориллы в кирасе. Неожиданно в голову пришла мысль о пистолете, который я продолжал сжимать в левой руке. Он ведь не разряжен, так что я с огромным трудом взвел курок и попытался выстрелить еще раз. Ура, подлая железяка поимела совесть и, почти вывернув мне запястье, плюнула свинцом в моего противника. Уф, слава тебе господи, а то долго бы я этой свистопляски не выдержал. Опустился в изнеможении на

землю и понял, что рано расслабился. Тот стражник, которого я ранил в ногу, не выбыл из строя и не бежал, а навис надо мной, замахнувшись своим страхолюдного вида тесаком. Это конец. Сил сопротивляться больше не было, зажмурившись я ждал удара, и тут мой противник, вместо того чтобы рассечь мою тушку пополам, упал на меня со всего маху. Я не мог понять в чем дело, поскольку арбалетный болт в его спине мне не был виден.

Мой верный Фридрих подоспел как раз вовремя, чтобы выручить меня из неприятностей. Убедившись, что со мной все в порядке, он возвратился к стражникам и проделал одно очень неприятное и жестокое, но совершенно необходимое в нашей ситуации дело. Он добил раненых и оглушенных противников и пострадавших лошадей. Я, выбравшись из-под тела стражника, старался ему помочь. Нет, не добивать раненых. Я еще не настолько адаптировался к окружающим реалиям. Но собрать уцелевших лошадей и пожитки безвременно почившей городской стражи Кляйнштадта я вполне мог. Им уже не понадобится, а нам все в кассу. Я навалил довольно большую кучу всякого добра и принялся его сортировать, когда к нам присоединился молодой человек, предупредивший нас об опасности и так успешно сыгравший для погони роль меня. Оказывается, юноша не сразу справился с лошадьёю и потому опоздал.

— О, это вы, наконец-то! Отныне и навеки я ваш должник. Не обижайтесь, что я не узнал вас, — я никого не узнаю после того, как мне славно врезали древком алебарды по загривку. Но ничто не мешает нам познакомиться вновь. Кто я, вы знаете, но можете звать меня Гансом на правах друга. А как мне называть вас?

— Мар... Мартином, ваша светлость!

Ого, а у мальчика глаза на мокром месте. Что это еще за... Хотя побоище вокруг впечатляет — вряд ли парень часто видел такое в родительском доме.

— Мартин, что же, прекрасно, очевидно, у нас с вами были какие-то дела, раз вы пришли мне на помощь. Кста-

ти, как вы узнали об опасности, грозящей моему высочеству?

Паренек, очевидно справившись с волнением, начал бойко тараторить. Дескать, он ученик магистратского писаря и случайно подслушал коварного бургомистра, когда он давал указания старшему стражнику. Кстати, вот его труп. Узнав о кознях моих врагов, он тут же кинулся предупредить принца, то есть меня. И, хвала всем святым, успел вовремя.

— Весьма похвально, юноша! Но все-таки чего ради вы бросили место и кусок хлеба ради заезжего принца?

— Ваша светлость обещали мне службу, — закусив губу, напряженно ответил мне мальчик.

— Вот как. Ну, раз обещал, значит, вы приняты. Не знаю, правда, в какой должности и с каким жалованьем, но, думаю, мы сговоримся.

— Ах, ваше высочество, только не прогоняйте меня, я буду служить верой и правдой! Позвольте мне только быть подле вас, все равно кем!

Н-да, что-то больно много красноречия. Откуда столько обожания во взгляде этого мальчика? А он, часом, не из этих? Ну ладно, как говорила одна американская плантаторша, об этом можно подумать завтра. Сейчас есть дела более насущные.

Ревизия нажитого непосильным трудом выявила, что мы стали обладателями четырех лошадей с городскими клеймами. Девяти комплектов доспехов, состоящих из кирасы и шлемов. Восьми палашей и фитильных ружей, которые я про себя назвал мушкетами. Увы, я пока не очень разбираюсь в окружающем меня огнестреле. Девятый стражник был, очевидно, старшим и вооружен шпагой и пистолетом. Причем, в отличие от моих карамультуков, этот пистолет имел более-менее вменяемые размеры, и его вполне можно было носить за поясом. Шпага тоже недурна, а вот это что... Бумаги? Что за чертов готический шрифт, ничего не могу разобрать. Так у нас же писарь тут где-то ошивается.

— Мартин, пожалуй, вы сейчас будете держать экзамен на должность секретаря! Ну-ка поведайте мне, что в этих бумагах.

Первая бумага оказалась чем-то вроде ордера на арест и поимку принца Иоганна Альбрехта Мекленбургского именем святой инквизиции. Вторая в сущности тем же самым, но от имени магистрата города Кляйнштадта. Хуже всего было то, что во второй было указано, что означенный принц может выдавать себя за дворянина фон Кирхера или еще кого. Поэтому прилагалось достаточно точное описание меня и Фридриха. А вот это плохо — я, предполагая, что меня будут искать, выгавкал у папаши Рашке подорожную как раз на имя фон Кирхера, рассчитывая сбить погоню со следа. Да, а положение-то имеет тенденцию к ухудшению.

Огромную кучу трофеев, очевидно, придется бросить в связи с отсутствием времени и возможности реализовать, не привлекая к себе внимания. Правда, у каждого из стражников при себе нашлось по три серебряные монеты — видимо, задаток от герра Рашке. И то хлеб. Итак, нас ищут, причем ищут хорошо. Имеют описание и приказ действовать максимально решительно. Один раз нам повезло, а дальше?

— Фридрих, как ты думаешь, где нас будут искать меньше всего?

Мой верный слуга изобразил глубокую задумчивость.

— Сложный вопрос, ваша милость, вы можете отправиться на север, в Мекленбург, к родне отца, или в Померанию, к родне матери, можете также на восток, в Польшу — там у вас тоже найдется родня. Да и тамошняя шляхта не любит, когда дворян пытаются осудить. Пожалуй, вам совершенно нечего делать на католическом юге, и вас там не будут слишком искать.

— Разумно! А что еще можно сделать?

— Не знаю, ваша милость.

— А вот я, кажется, знаю. Мартин, иди сюда, у тебя ведь есть писчие принадлежности? Садись и пиши.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦА ИОГАННА МЕКЛЕНБУРГСКОГО. Фантастический роман	5
<i>Послесловие автора</i>	312